

борники» Ш. расширяют и уточняют этот образ.

Вышедшую после войны книгу **«Поморщина-корабельщина»** (1947) сам Ш. называл своим «репертуарным сборником»: она объединяет произведения, с которыми он выступал в военные годы в госпиталях и воинских частях, клубах и школах. Судьба этого сб. трагична: он был подвергнут вульгарно-социологической проработке (Морозов А. [Рец.] // Звезда. 1947. № 9) и вызвал уничтожительную критику со стороны фольклористов как «грубая стилизация и извращение народной поэзии» (Сидельников В. Против опошления народного творчества // Культура и жизнь. 1947. № 30). Имя писателя было дискредитировано, а он сам обречен на десятилетнюю изоляцию от читателя.

Разрушению стены молчания вокруг Ш. способствовал организованный в 1955 творческий вечер писателя в Центральном Доме литераторов, после которого в изд-ве «Детская лит-ра» был опубликован сб. **«Поморские были и сказания»** (1957), а через некоторое время вышел и «взрослый» сб. избранных произведений **«Океан — море русское»** (1959). Сб. вызвал немало восторженных отзывов; особое внимание рецензентов привлекало словесное мастерство писателя. Заслуженное признание пришло к Ш. после высокой оценки его творчества в статье Л. М. Леонова (Известия. 1959. 3 июня). Среди откликов на этот сборник мы находим и самый глубокий прижизненный литературоведческий разбор творчества Ш. — статью фольклориста Э. В. Померанцевой «Писатель-сказитель» (На рубеже. 1960. № 5).

В 1967 опубликовано наиболее полное прижизненное издание произведений Ш. — сб. **«Запечатленная слава»**.

В творчестве Ш. очень четко выделяются две основные манеры повествования: патетическая и бытовая. Первая используется писателем в описаниях величавой природы Севера и славных деяний его народа, включает в себя широкий набор позитивно-идеализирующих стилистических средств и связана с традицией древнерусской агиографии и фольклорной эпики. Вторая, свойственная шергинскому очерку нравов и бытовой сказке, явно ориентирована на сказ — фонетическую, лексическую, синтаксическую имитацию устной речи. «Будничный», неприкрашенный характер языку придает использование Ш. сниженного просторечия и вульгаризмов; широкое заимствование «словесного жемчуга» — диалектных особенностей Русского Севера; обилие метких сравнений (сродни ассоциативности народной речи) и остроумных

образных словечек; речевая полифония. В языке произведений Ш. представлены профессиональные словари корабельщиков, мореходов, рыбаков, художников Поморья. В прозе писателя уникальным образом сочетаются высокая лит. традиция (во всем многообразии культурных ассоциаций, которые жили в сознании начитанных поморов на рубеже XIX–XX вв.) и коренное родство с фольклором, часто открыто манифестированное. По словам В. И. Белова, «один Шергин... сумел так удачно, так непринужденно породнить устное слово с книгой».

Своеобразие фольклоризма Ш. состоит в непосредственной ориентации его текстов на народное творчество. Цель художника не в том, чтобы обогатить лит-ру за счет внеположенного по отношению к ней фольклора, но чтобы явить народную поэзию как оригинальный, неповторимый и бесценный способ видения мира и человека, способствовать «вокнижению» фольклора. В текстах писателя — обилие цитат из фольклорных текстов (пословицы, поговорки, отрывки из былин, причитаний, лирических песен, небывальщин и т. п.). Большинство из них рассчитаны на чтение вслух, и Ш., знавший всю свою прозу и поэзию наизусть, до последних лет жизни нередко сам исполнял свои произведения. Сказывание было для него не воспроизведением созданного ранее, но самим процессом творчества.

Похоронен Ш. на Кузьминском кладбище в Москве.

Соч.: Поморские были и сказания. М., 1971; Избранное. М., 1977; Поэтическая память. М., 1978; Запечатленная слава. М., 1983; Повести и рассказы. Л., 1984; Древние памяти. М., 1989; Изящные мастера. М., 1990; Жизнь живая: Из дневников разных лет. М., 1992; Дневники (1942–1968) // Москва. 1994. № 4, 5.

Лит.: Галкин Ю. Ф. Борис Шергин. Златая цепь. М., 1982; Горелов А. А. Поморское узорочье // Шергин Б. В., Писахов С. Г. Сказы и сказки. М., 1985. С. 6–15; Галимова Е. Ш. Книга о Шергине. Архангельск, 1988.

А. А. Харитонов

ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич [25.1 (6.2).1893, Казань — 18.5.1942, Барнаул] — поэт, переводчик, лит. и театральный критик.

Отец поэта — известный ученый-правовед, депутат I Гос. думы от партии кадетов, мать — оперная артистка. В Москве Ш. закончил знаменитую Поливановскую гимназию (сидел за одной партой с будущим чемпионом мира по шахматам А. А. Алехиным), а затем филол. и юридический (по др. свиде-

ниям — математический) ф-ты Московского ун-та.

Первые поэтические сб. Ш. «**Весенние проталинки**» (1911) и «**Carmina**» (1913) носят отпечаток явного влияния поэзии символистов (главным образом А. Блока). Тем не менее второй сб. получил неожиданно высокую оценку в рецензии такого пронизательного критика, как Н. Гумилев: «Прекрасное впечатление производит книга В. Шершеневича. Выработанный стих <...> непритязательный, но выверенный стиль, интересные построения заставляют радоваться его стихам» (Гумилев Н.— С. 168).

Однако именно в 1913 Ш. делает резкий поворот «налево» и оказывается среди эгофутуристов. Вместе с поэтом, художником и филологом-любителем Л. В. Заком (псевдоним «М. Россиянский») он возглавляет карликовое изд-во «Мезонин поэзии». В этом же году в Москве и Петербурге выходят поэтические сб. Ш. «**Экстравагантные флаконы**» и «**Романтическая пудра**», исполненные эпатажа и своеобразного эгофутуристического юмора, принимаемого «благонамеренным читателем» за напыщенную глупость.

Одновременно Ш. переводит и активно пропагандирует в России творчество вождя итальянских футуристов Ф. Т. Маринетти, а во время пребывания последнего в Москве состоит при нем в качестве гида-переводчика, пишет статьи о футуризме. В период непродолжительного сближения кубофутуристической «Гилеи» с группой эгофутуристов у Ш. завязываются личные отношения с В. Маяковским. Поэтика «раннего Маяковского» решительным образом повлияла в дальнейшем на практику «левого крыла» (Ш., А. Мариенгоф) русского имажинизма. Вместе с тем, сопрягая эти имена (Маяковский и Ш.), корректнее говорить о «неравнообъемном», но — взаимовлиянии.

Первая мировая война, участником которой Ш. был, несколько умерила его творческую активность. Тем не менее «вольнотопределяющийся Ш.» за годы войны издал несколько книг: сб. стих. «**Автомобилья поступь**», сб. статей о футуризме «**Зеленая улица**» и поэму в соответствии с модной тогда «теорией монодрамы», именуемую Ш. «монологической драмой» — «**Быстрь**».

Вполне справедливо имя Ш. в истории русской лит-ры в первую очередь связывается с имажинизмом. Русский имажинизм, организационно оформившийся как «Орден» под покровительством анархистского толка «Ассоциации вольнодумцев», а с 1924 до само-

В. Г. Шершеневич

ропуска в 1927 существовавший как самостоятельное Общество, был, в сущности, детищем Ш., являвшегося подлинной душой этого общества и главным теоретиком движения. Ибо еще в «Зеленой улице» (1916) футурист Ш. писал: «Я по преимуществу имажинист, т. е. образы прежде всего. А так как теория футуризма наиболее соответствует моим взглядам на образ, то я охотно надеваю <...> вывеску футуризма» (Зеленая улица. С. 7). Наиболее же полно свои имажинистские взгляды Ш. излагает в книгах «**2x2=5**» и «**Кому я жму руку**» (обе — 1920), где, как бы резюмируя, пишет: «Аритмичность, аграмматичность и бессодержательность — вот три кита поэзии грядущего завтра» (Кому я жму руку. С. 16). Впрочем, в своей поэтической практике Ш. явно «не дотягивал» до этой «программы-максимум», ограничиваясь умеренными экспериментами в области графики и синтаксиса, главным образом повышая метафорическую насыщенность текста («100 образов на 100 строк»). «Имажинизм от Ш.» во многом близок сюрреализму. Любопытно, что в качестве своеобразного «поэтического образца» Ш. приводит («2x2=5») стихи французского поэта Сен-Поля Ру, которого сюрреалисты считали своим предтечей.

Собственно, и как поэт Ш. максимально реализовался в рамках имажинизма. В 1920–21 его стихи печатаются в многочисленных имажинистских альм. и сб. В 1920 выходит и лучшая поэтическая книга Ш. «**Ло-**

шадь как лошадь», о которой В. Львов-Рогачевский писал: «...за каталогом образов, за перепевами раскрывается страшное лицо человека, потерявшего душу в современном городе. Здесь есть свое, и это войдет в литературу» (Львов-Рогачевский В.— С. 90).

В 1930-е Ш. пишет воспоминания, не без вызова названные **«Великолепный очевидец»**. В полном объеме они увидели свет лишь в 1990.

Введение Главлита в 1922 резко ограничило и без того достаточно умеренную «свободу печати» для «попутчиков», в т. ч. и для имажинистов. Последний поэтический сб. **«Итак итог»** Ш. издал в 1926 на свои средства. С этого времени Ш. пишет стихи лишь от случая к случаю. Занимается переводами (Бодлер, Парни, Шекспир), много и успешно работает для театра (об этом см.: Театральная энциклопедия. М., 1967. Т. 5. Стб. 873).

Умер Ш. от туберкулеза в эвакуации.

Соч.: Листы имажиниста: Избранные стихотворения, поэмы и теоретические работы. Ярославль, 1997; Ангел катастроф: Избранные стихотворения и поэмы. М., 1994; Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000; Лошадь как лошадь. М., 1920; 2x2=5. М., 1920; Кооперативы веселья. М., 1921; Итак итог. М., 1926; Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990.

Лит.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 168; Львов-Рогачевский В. Л. Имажинизм и его образности. Ревель, 1920; Markov V. Russian imagis 1919–1924. Giessen, 1980; Lawton A. Vadim Shershenevich. From futurism to imagism. Ann Arbor, 1981; McVay G. Vadim Shershenevich: new text and information // Russian literature triquarterly. Ann Arbor. 1989. № 22; Макарова И. А. Очерки истории русской лит-ры XX века. СПб., 1995. С. 42–82; Дроздов В. А. Путь поэта // Шершеневич В. Ангел катастроф... М., 1994. С. 5–28; Бобрецов В. Ю. Итак, итог?... // Шершеневич В. Листы имажиниста. Ярославль, 1997; Вера Мещей. Подарок любителям российской словесности // Питерbook. 2001. № 3.

В. Ю. Бобрецов

ШЕСТАКОВ Юрий Михайлович [13.1.1949, с. Богословка Баброво-Дворского р-на Курской обл.] — поэт.

Родился в семье потомственных крестьян, предки поэта были хлебопашцами и ратниками. Мать работала бухгалтером. Отец воевал на Ленинградском фронте, награжден орденом Красного Знамени. Детство Ш. прошло в селе Богословка. В 7 лет вместе с родителями переехал в Ленинград. Окончил сред-

нюю школу, физико-химический ф-т технологического ин-та им. Ленсовета (1973), Ленинградский аэроклуб по специальности «летчик-пилот» (1975).

Как признается поэт, «на выбор писательского пути повлияла мучительная попытка осознать смысл жизни, вопросы „Зачем мы живем? Почему одновременно так прекрасен и трагичен окружающий нас мир?“ Работа мысли и чувства в этом направлении неизбежно вела меня к Богу» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ РАН). После первой публикации Ш. в многотиражке технологического ин-та «Технолог» в 1967 стихи печатались в ж., альм., сб.: «Огонек», «Молодая гвардия», «Лит. учеба», «Памир», «Техника — молодежи», «Беларусь», «Молодой Ленинград» и др. А. Тарковский в 1986 писал о поэзии Ш.: «Его стихи производят на меня столь сильное впечатление, что по-моему я имею право утверждать — это стихи истинного поэта, талантливого поэта, зрелые по форме и глубокие по мысли и чувству... Веря в большое будущее молодого поэта, я хочу увидеть в печати стихи Ю. Шестакова» (Архив автора).

Первая книга стихов Ш. **«В начале дня»** вышла в 1983, вторая, **«У солнца на виду»**, — в 1986. В этом же году Ш. удостоен звания лауреата премии Ленинградской комсомольской организации в области лит-ры. Критики отмечали: «Современность его поэзии — в методе и способе познания мира, жизни, правды, красоты... Его интуиция, его

Ю. М. Шестаков